

ВИКТОР ЕЛМАНОВ

ЖЕНЩИНА ХР

RIR-ФАНТАСТИКА

Виктор Елманов

Женщина ХР

«Издательские решения»

2014

Елманов В. С.

Женщина ХР / В. С. Елманов — «Издательские решения», 2014

Герой романа соглашается на эксперимент: прожить год с женщиной-андроидом.

© Елманов В. С., 2014

© Издательские решения, 2014

Женщина ХР

Роман. RIR-фантастика

Виктор Сергеевич Елманов

© Виктор Сергеевич Елманов, 2015

© Виктор Сергеевич Елманов, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Я сначала отказался от этого дикого предложения! Но настойчивость этих людей, финансовые обстоятельства, недовольство тем, что я делаю последние пять лет, сломили мой отказ. Я согласился. Суть предложения в том, что я в течение года должен буду прожить... с андроидом.

Боже! На какую мерзость я согласился! А все этот диктат комфорта, рабами которого становимся все мы. Вот он наш убийца! Вот он наш насильник!.. А если я все-таки откажусь? Если я откажусь... В том-то и дело, что не откажусь...

Вот до чего дошло! Я продаю себя в добровольное рабство! Я становлюсь чем-то наподобие подопытного кролика!

А может быть эта жертва ради будущего?

Только не надо лицемерить! Когда люди сдают кровь или сперму за деньги они ведь не кричат о будущем.

Срок действия моего загранпаспорта закончился. Я его оформлял пять лет назад, когда ездил в Англию по приглашению фонда Томсона знакомиться с документалистикой Туманного Альбиона. Тогда оформление заняло у меня почти два месяца. Сейчас все упростилось и паспорт мне должны сделать за неделю.

Вообще-то меня эта тема – человек-андроид – интересует давно. Правда, я смотрел сначала на эти примитивные японские роботы с усмешкой. Лающие собачки и мяукающие кошечки на колесиках, девушки с раскрашенными пластмассовыми лицами, говорящие какими-то металлическими голосами примитивные фразы, типа: «Здравствуйте», «Меня зовут...», «Я рада вас видеть» или воспроизводящие теми же консервными голосами японские шлягеры, – все они казались мне не более, чем игрушками для взрослых.

Новый загранпаспорт. Вернули и старый с пробитыми дырками. Послезавтра надо быть в Москве на собеседовании с представителями этого пока таинственного для меня учреждения (оно, кстати, находится в Штатах).

А может отказаться от всего этого? Плюнуть?

Я всегда думаю вот о чем: почему стиль жизни окружающих заставляет нас делать то, что нам не хочется? Так я купил дачу. Мне она была не нужна, но вот этот общий психоз заставил. Так я стал автолюбителем, закончил эту не нужную мне автошколу, а потом в течение полугодя сдавал в ГИБДД экзамен по вождению. Каждый раз делал что-то не так и тут же экзаменатор-гибэдэдэшник, с каким-то необъяснимым сладострастием ставил мне 5 штрафных баллов... На дачу я езжу два раза за лето, машина месяцами простаивает в гараже. А какие были планы! Вкушать мгновения нирваны на природе, поездки к друзьям, путешествия!

Бессонная ночь в поезде. Ярославский вокзал. Серые, безрадостные лица людей. Этот ужасный суррогат растворимого кофе со сливками в пластиковых стаканчиках и обязательно

за соседним столиком бомж. Мы вообще-то стали материально жить лучше, но не веселее. Что-то нас постоянно гнетет.

Долгий поиск в районе метро Киевского вокзала этого офиса штатовской фирмы, ну и, разумеется, к назначенному времени для собеседования я опоздал. Сначала дали заполнить анкету из 40 (!!!) пунктов. Здесь и вероисповедание, и не состоял ли я в однополном браке, и мои цветовые предпочтения, какие операции перенес, и, цитирую, «не склонны ли вы в сексе к садо-мазохизму?».

После заполнения анкеты мне предложили перейти в другую комнату. Оказалось, что я не единственный претендент на этот эксперимент. Любопытно было переглядываться с теми, кто так же, как я, дал согласие на участие. Но у меня не возникло ни малейшего желания победить в подобном соревновании. Наоборот. Мне захотелось бросить все и уйти. Опять мне кто-то навязывает свои интересы, и опять я им должен подчиниться?!

Собеседование было очень коротким.

– Вы работали режиссером в филармонии...

– Да, пять лет.

– Кто ваш любимый композитор?

– Шостакович.

– Седьмая симфония?

– Нет, я больше люблю пятнадцатую.

Тот, кто задал этот вопрос, смутился. Видно, понял, что его знания Шостаковича достаточно банальны.

– Подождите, через полчаса мы объявим свое решение.

Официальная формулировка моего приглашения в Штаты – чтение лекций по истории русской документалистики 20 века в высших учебных заведениях г. Портленда. Я подписал контракт с общественной организацией, которая будет посредником, и должен прибыть в указанный город не позднее 1 августа. Визу в посольстве США надо получить лично.

Кто-то, кто стоит в этой очереди у посольства, едет в Америку в гости, кто-то учиться, кто-то работать, для кого-то это деловая поездка. Кто-то уезжает навсегда, он уже не вернется в Россию никогда! Он уже живет в другом измерении. Он уже там. А что его ждет там? Но он едет туда не со страхом, а с какой-то романтической надеждой, что там все будет хорошо! Он едет туда, как будто перелетает на другую планету.

Сборы были недолгими. Я взял с собой ровно столько вещей, сколько поместилось в самую большую черную сумку на колесиках. И вдруг подумал, спускаясь по лестнице: «А, может быть, уезжаю навсегда...»

Я прожил в этом городе десять лет. Я пытался дважды создать семью. Первая попытка закончилась трагикомично: перед самой свадьбой невеста сбежала к своему первому парню. Вторая попытка закончилась разводом через год совместной жизни. Жизни, наполненной бесконечными выяснениями отношений, ссор, ревности, ненависти. Однажды дошло до того, что я ее начал бить. Я бил и не мог остановиться. Она вырвалась, в одной сорочке выскочила на улицу. Что-то остановило меня, чтобы не броситься за ней следом.

Я шел на вокзал по ночному городу и смотрел на все как-то уже по-иному, чем в обычные дни. Временами чудилось, что кто-нибудь выскочит из-за угла того или другого дома, нападет на меня и на этом моя поездка закончится.

Я позволил себе купить купейный билет. В купе никого не было. И уже перед самой отправкой, разгоряченные, громко переговариваясь между собой, обсуждая, как они чуть было не опоздали, ворвались две девушки. Я не люблю дорожные знакомства, но тут все произошло

как-то само собой. Мы познакомились, стали разговаривать, заказали чай, девушки достали очень дорогую коробку шоколадных конфет, печенье. Девушкам было лет по 20. В меру худые, ухоженные, хоть и не сестры-двойняшки, но очень похожие друг на друга. Ничуть не смущаясь, они разоткровенничались. Они едут в Москву, чтобы заниматься «секс-услугами».

– Заработаем...

– Много...

– Много, много денег...

– И уедем...

– И уедем в Америку!

– В Америку!

– А что будете там делать? – спросил я.

– Выйдем замуж...

– Американцы западают на русских девушек...

В какой-то момент мне показалось, что девчонки предложат мне заняться с ними «секс-услугами». Они загадочно переглядывались друг с другом, хихикали. Та из них, которая побойчее, очень своеобразно села на полку, оголила до невероятности свои ноги и достаточно откровенно стала смотреть на меня. Я расхохотался. Это единственное оружие в таких нелепых ситуациях.

Всю ночь они кому-то звонили, что-то уточняли. Мне даже показалось, что эти девочки из какой-то мафии. Утром их как будто подменили. Подавленные, молчаливые они пили кофе и курили прямо в купе.

До отлета предстояло проболтаться в Москве целый день. Я сдал сумку в камеру хранения и помчался подальше от вокзала, к которому у меня в последнее время все большее и большее отвращение.

Я поехал на Арбат. Зашел в кафе «Прага», съел шпикачки с гречневой кашей, – наше любимое блюдо, когда мы бегали сюда перекусить из ГИТИСа.

Заглянул во двор своей альма матер. Абитуриентов – яблоку негде упасть. Сидят на лавочках, на бордюрах, а кто-то (явно выказывая свою оригинальность) – прямо на асфальте, подстелив пластиковый пакет.

Ах, какое это сладостное чувство – поностальгировать здесь по своим студенческим годам! После гигантского конкурса на вступительных экзаменах нашу группу из 12 человек собрали в большом зале на втором этаже и ректор, почтенный старичок, поздравил нас. Мы чувствовали себя небожителями! Мы почти ничего не знали друг о друге, но уже были скреплены узами студенческого братства.

Уже 4 часа в полете. Осталось еще 7. Только сейчас с необыкновенной тяжестью навалилось: «Какая удивительная, безмозглая беспечность! На что согласился?! Ради чего буду подопытным кроликом?! Как только прилетаю, беру билет назад и улетаю!». А другой голос: «Да брось ты! Все ты прекрасно понял! И знал, на что идешь! И никуда ты сразу обратно не уедешь. Твое любопытство выше твоего «подопытного кролика!».

Уже 8 часов в полете. Ощущение, что летишь на Марс. Рядом со мной молоденькая девушка. Она – полька. По-английски говорит плохо. Летит, если я ее правильно понял, на какую-то стажировку. Белокурая, синеглазая, с шикарным бюстом и талией.

Через час мы будем на месте, т. е. в Сиэтле. От него до Портленда (точные данные по карте) 280 километров.

Меня встретили два наших эмигранта на шикарном джипе. Один из встречающих, Аркадий, еврей, другой – Махмуд, чеченец. До Портленда почти 3,5 часа езды. Говорили о разных пустяках. Аркадий рассказывал о своей внучке, о дочери, которая вышла замуж за американца.

– Я в эту семью вложил почти полмиллиона баксов. Продам свою фирму в Москве.

– А чем вы занимались?

– Квартирами. Но сейчас этот бизнес стал слишком криминальным. Того и гляди башку оторвут!

Махмуд вел джип. Несколько раз звонил кому-то, что-то уточнял.

– А вы уже сколько лет здесь? – спросил я у него.

– Пятнадцать.

– По-русски уже говорите с американским акцентом.

– Я говорю по-русски мало. Хотя в Портленде очень много из России. Есть Русский парк, магазины, школы, рестораны.

– И бордели есть русские, – добавил Аркадий.

Я смотрел на дорогу, которая то, петляя, поднималась в гору, то опускалась в долину. Вспомнил, как девушку-польку встретил в аэропорту розовощекий мужчина лет пятидесяти. Его поцелуй и то, как он обнял девушку, явно говорили о близости между ними. «Вот она, какая стажировка!»

В Портленде меня пересадили на другую машину. Это был черный BMW. За рулем сидел парень лет 30. Он хорошо говорил по-русски. На заднем сиденье была мулатка лет... А вот, сколько ей лет? Как и всем мулаткам определить всегда сложно. Она говорила только по-английски. Неожиданно между ней и парнем вспыхнула небольшая ссора из-за каких-то банковских счетов.

– Извини, у нас тут небольшие проблемы, – сказал мне парень по-русски.

И вот я в доме, где буду жить. Типичный американский двухэтажный дом с гаражом, двумя спальнями, двумя ванными комнатами, рабочим кабинетом, кухней и гостиной. Из кухни выход на балкон-веранду. Могучий орешник на три четверти закрывал его сверху своей кроной. Внизу, в центре небольшого участка, довольно разросшаяся ветвистая слива просто усыпанная плодами.

В холодильнике нашел я замороженные пельмени, копченую колбасу, сало, соленые огурцы, черный хлеб. То есть, почти весь стандартный набор продуктов, которые для американцев ассоциируются с Россией. И даже не забыли бутылку «Столичной» с немного кривовато приклеенной этикеткой. Я сварил два десятка пельменей, выпил апельсинового сока и кружку крепкого кофе. Пельмени оказались просто первоклассными!

В рабочем кабинете небольшая библиотека: русская классика на английском языке (вот удружили!) и альбомы по современной авангардной живописи. Огромный телевизор, компьютер и всего одна фотография-коллаж: сексапильная обнаженная женщина в виде кентавра. К чему бы это?

Весь вечер смотрел американские новости, программы, фильмы.

Шутка в американском стиле:

«Перед смертью он улыбнулся и сказал: «Не закапывайте меня слишком глубоко, мне будет жарко».

Очень плохо спал. Сказывается разница во времени суток. Проснулся и удивился тишине. Встал, выглянул в окно. На улице ни машин, ни людей. Вышел на балкон-веранду. В кроне гигантского орехового дерева щебечут птицы.

Белка! Она сидела неподвижно, вцепившись в ствол дерева своими лапками.

– Привет! – сказал я.

Белка сделала несколько резких прыжков вверх, а потом, перепрыгивая с ветки на ветку, скрылась в кроне.

Итак, сегодня в двенадцать состоялась встреча с руководителем фирмы, с которой я буду сотрудничать. Фирма где-то за городом. При въезде на территорию фирмы, меня попросили выйти из машины и пройти по длинному коридору. Думаю, пока я шел, меня просветили со всех сторон. Далее ко мне подошла стройная белокурая девушка лет 25, мы познакомились.

– Натали, – представилась она.

– На-та-ли... – пропел я фразу из знаменитого французского шлягера.

Она, как мне показалось, на какое-то мгновение растерялась.

– Это известный французский хит. – Я вновь пропел: «На-та-ли...» – Ваши родители французы?

– Нет, мои родители белорусы, – сказала она по-русски с безупречным произношением. Может быть даже слишком безупречным.

– Вы здесь давно?

Она вновь задумалась, пытаясь что-то вспомнить.

– Что вы сказали?

– Вы давно в Америке?

– Да... я... давно... – как-то неуверенно ответила она.

Пока мы шли по территории фирмы к высоченному зданию этажей в пятнадцать, я рассказал Натали, что два года жил в западной Белоруссии в старинном городке Гродно.

– Я, к сожалению, там не была.

– А не тянет на родину?

– Я родилась здесь, о Белоруссии знаю только по рассказам моих родителей.

– Они с вами говорят на родном языке?

– Да, и на родном, и на русском, – ответила она мне.

Мы вошли в здание. На первом этаже в просторном холле огромная статуя динозавра, высеченная из цельной каменной глыбы. Вся стена, параллельно которой поднималась на второй этаж широкая металлическая лестница, сплошь в фотопортретах, я так понял, сотрудников фирмы. Очень хорошие, остроумно снятые фотопортреты. Ни одного в цвете, все – черно-белые.

Натали кивнула в сторону одной фотографии.

– Узнаете себя?

– Господи, как она здесь оказалась?!

Это была давнишняя фотография из студенческой жизни. В одной руке я держу бутылку вина, в другой – томик Горация.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и оказались в причудливой полусфере сплетенной из ивового прута.

– Вам сюда, – Натали показала мне на огромную массивную дверь из натурального дерева. – А я подожду вас здесь.

Меня встретил полноватый мужчина с густой шевелюрой на голове и бородкой клинышком. Мы говорили по-русски.

– Вы хорошо устроились?

– Да.

– Поживите, акклиматизируйтесь, познакомьтесь с городом.

Я все пытался узнать подробности моего эксперимента с андроидом, но Вольфганг, так представился руководитель фирмы, он же и руководитель проекта, уклончиво посоветовал не торопиться.

– Сначала будет предварительная подготовка, – неожиданно перешел он на английский. – Девушка, которая вас сюда проводила, будет вашим инструктором по подготовке. Кстати, как ее русский?

– Хороший. Но немного стерильный. Это естественно. Я, наверное, тоже слишком правильно говорю по-английски.

Мы с ним проговорили еще с полчаса. Вольфганг рассказал, как он пятнадцать лет назад жил в Москве, обнаружилось, что у нас в то время были общие знакомые режиссеры и писатели. В конце беседы он неожиданно серьезно произнес:

– Никто не должен быть посвящен в наш эксперимент.

– Конечно, – ответил я.

Он еще какое-то мгновение смотрел на меня этим взглядом работников спецслужб. И мне стало немного не по себе от этого взгляда. Наивный! Они узнали обо мне очень много, прежде чем начать переговоры и заключать контракт! Нашли даже эту студенческую фотографию!

Обратно на своей машине меня отвезла Натали. Кстати, водит она просто блеск! Я даже позавидовал.

На мое «До свидания!» она протянула флешку:

– Здесь первый этап предварительной подготовки.

Очень странная эта предварительная подготовка! Полдня играл в различные флеш-игры. Были среди них и эротические: одеть или раздеть женщину, ответить на различные дебилские вопросы, типа: «Я тебе нравлюсь?» Или целовать нимфетку огромными красными губами в разные части ее невероятно пышного тела до тех пор, пока у нее не наступит оргазм. Из всего набора этих флеш-игр надо было отметить три, которые мне особенно понравились.

После обеда я решил прогуляться по району, в котором буду жить как минимум год. Чтобы не заблудиться, я шел по улице прямо, никуда не сворачивая. Удивительное безлюдье и тишина! Минут через пятнадцать-двадцать рядом со мной притормозила полицейская машина. Полицейский, не выходя из машины, поздоровался со мной и спросил:

– Сэр, вы не заблудились?

– Нет, я просто решил немного пройтись пешком.

Он попрощался и уехал.

Вечером познакомился со своим соседом. Его зовут Джон. Он небольшого роста, худощавый. Думаю, ему за шестьдесят. У него целая свора разномастных собак.

В 5 часов после полудня (в Штатах нет наших 13, 14 и т. д. часов) приехала Натали.

– Как вы устроились? – спросила она.

– Хорошо.

– Продукты можете заказывать по телефону или Интернету вам их тут же привезут.

– Хотите, я угощу вас русскими пельменями?

– Хочу.

Я приготовил две порции.

– А водки не хотите? – предложил я, подавая пельмени.

– Ноу алкоголь, – решительно отказалась Натали. И вдруг неожиданно спросила: – А как их едят? Ложкой, вилок или руками?

– Если они с бульоном, то – ложкой, если без – то вилок. Китайцы едят палочками.

Натали, хоть и с некоторой осторожностью, съела пельмени, поблагодарила.

– Извините, мне пора. До свидания.

Она уехала также внезапно, как и приехала.

Весь вечер смотрел телевизор. Понравился документальный фильм об американском сленге. У нас это называется местный диалект. Угроза, что могут наступить времена, когда из-

за диалекта южане перестанут понимать северян, Америке не грозит. Американцы диффузны по жизни, постоянно перемещаются.

Полдня снова убил на то, что играл в разные флеш-игры. Примитив невероятный! Есть, но очень мало, игры, сделанные с юмором. Думаю, что флеш-игры пользуются повышенным спросом в тех странах, где процветают до сих пор рисованные комиксы.

И вновь в конце сегодняшнего пакета флеш-игр эротика. Самые изощренные – японские. Скромные девочки-школьницы с пышными бюстами и талиями в самых извращенных ситуациях. Сколько живу, а таких пышнотелых японок в жизни не видел! Тоска у них что ли по таким формам?

Во второй половине дня изучал Портленд по съемкам из космоса. Дом, в котором я живу, находится в юго-западной части города.

Утром и вечером мой сосед выгуливает своих собак. Только сегодня заметил, что у одной вместо задних ног протезы. На меня такие вещи очень действуют.

Отправлять по почте или электронке письма мне можно только, согласовав их текст со специальной службой безопасности фирмы. Звонить, общаться по скайпу по специальному перечню. Думаю, что когда я выхожу из дома, за мной тут же начинается слежка.

Вот уже неделю играю в эти флеш-игры. Мне начинает казаться, что их виртуальные персонажи постепенно превращаются в реальных людей. Или у меня начинается шиз?

По каждой игре и по каждому персонажу я должен заполнить тест, ответив на 30 вопросов. Среди них есть и такие: «С кем бы из персонажей флеш-игр я мог остаться на необитаемом острове? Отправиться в путешествие? Кого бы внес в список своих друзей?»

Приехала Натали в экстравагантной одежде. Морская тельняшка, ремень с солдатской бляшкой времен СССР и черная кожаная мини юбка.

– Не хватает офицерской фуражки, – пошутил я.

Но Натали, как говорится, даже и бровью не повела. Второй мой прокол с юмором. Или я неудачно шучу или она холодна к моим шуткам.

Приехала Натали не только ради дефиле. Она привезла показать свои фото работы. Одна из них мне особенно понравилась. В ствол дерева вонзилось острие железной ограды. Дерево, вырастая, постепенно клонилось в сторону железной ограды, и это острие медленно входило в него. Железное острие как бы тянулось к дереву, а дерево, подчиняясь необъяснимому влечению, которое грозило ему смертью, наклонялось к железному острию. Я тут же придумал подпись для снимка:

– Сильна, как смерть, любовь.

– Это из «Песни песней» царя Соломона, – словно отвечая на вопрос из кроссворда, тут же выпалила Натали.

– Да, это оттуда.

Какова, однако! Знает Библию!

Когда Натали уехала, до меня дошло: «Она же надела все это, чтобы сделать мне приятное, а может и чтобы понравиться!»

Флеш-игра с неожиданным юморным финалом. Я пытаюсь познакомиться с девушкой. Она задает вопросы, я отвечаю. Мне надо правильно ответить на них. После нескольких попыток завоевываю симпатии девушки. Она позволяет погладить ее, но тут же пресекает мои поглаживания, если они слишком нахальные. Садимся в машину и едем до ее дома. В комнате я начинаю раздевать ее, снимаю платье, туфли. А дальше начинаются сюрпризы.

Бюстгальтер снимается вместе с фальш-грудями. Волосы неожиданно сваливается с головы девушки, открывая лысину, покрытую бородавками. Черные чулки тают словно глазурь, превращая стройные ноги в кривые и волосатые. У девушки выпадает искусственная челюсть, кожа на лице покрывается морщинами и она превращается в ужасную, отвратительную старуху. Игра заканчивается нравоучительной надписью: «Не занимайтесь сексом с незнакомыми девушками! Опасность заражения СПИДом!»

Познакомился еще с одними соседями. Семейная пара. Их дом справа от моего. Им обоим что-то около тридцати. Она, мне кажется, беременная. Они радостно поздоровались со мной, будто знали меня с детства.

Натали вновь удивила меня своей эрудицией, но уже не в области Библии, а в знании литературы. Мы начали говорить о значении слов и я сказал, что можно, не меняя слова в предложении, изменить смысл его на противоположный.

– Есть такое стихотворение у одного не очень известного писателя, называется оно «Вечная трагедия».

– Я знаю его.

– Да?!

– Цвет меняет смысл. Первая строчка написана красным: «Я люблю тебя!», а вторая черным: «А я тебя нет!» Эти строчки повторяются еще три раза, но с каждым повтором первая строчка из красной становится черной, а вторая из черной – красной. «Я люблю тебя!» приобретает смысл «Я не люблю тебя!», а строчка «А я тебя нет!», наоборот, значение «Я люблю тебя!». У первого любовь угасает, а у второго...

– Или второй, – вставил я.

– Или второй любовь разгорается. Вечная трагедия. К тому, кто не отвечает на нашу любовь, мы охлаждаем, а тот, кто вначале холоден к нам, начинает нас любить.

На какое-то мгновение мне захотелось, как в тех эротических флеш-играх, сдернуть с Натали одежду и заняться любовью. Я с трудом сдержался.

Проснулся очень рано и долго не мог заснуть. Приснился фантастический сон. День. Ясный, солнечный. Я ищу в доме Натали. Зову ее. Заглядываю в одну комнату, в другую. Выхожу на задний двор. От сливы до орехового дерева натянуты веревки, на них сушится белье: простыни, пододеяльники. Из-за простыни выглядывает Натали.

– Натали, я зову тебя, почему ты молчишь?

Она как-то, и виновато, и загадочно улыбается. Выходит из-за простыни, и я вижу, что она в виде того кентавра-женщины на фотографии, которая висит у меня в рабочем кабинете. Она подходит ко мне. Ее лицо на уровне моего. Она легонько касается своей щекой моей щеки и тихонько шепчет: «Погладь меня... Поцелуй...» Я проснулся, но, не открывая глаз, попытался, нет, не продлить этот сон, а продлить это необыкновенное состояние, которое охватило меня во сне.

Опять до одури играл в флеш-игры. Человеку хочется испытать разные эмоции, которых в его реальной жизни не хватает. Для этого он читает книги, смотрит фильмы и... играет в подобные игры. Хочется почувствовать себя сверхчеловеком. Почувствовать, как это управлять другими людьми, пусть и виртуальными. Они, эти виртуальные люди, наделены каждый каким-то одним инстинктом. Я с ними сражаюсь, отправляю сражаться и наблюдаю, как они гибнут. Я предаюсь с ними виртуальным сексом. В этих играх разрушаются все табу. Я ни за что не отвечаю. Все согласны делать то, что я хочу.

Я почувствовал, как постепенно эти виртуальные персонажи поселяются во мне. Они смешиваются с реальными людьми, становятся частью существующей действительности. А не наступит ли момент, когда я не смогу жить, чтобы не общаться с ними? Это своеобразный виртуальный наркотик. Бесконечно длящийся сериал. Возможно, для кого-то они стали идолами. Под них делают прически, макияж, одежду и обувь. Им подражают во всем – от поцелуя до соития.

Сосед, у которого целая свора собак, каждый вечер (каждый!) стрижет газон перед домом газонокосилкой. Я решил делать тоже со своим газоном. Для поддержания физической формы. У себя на даче я косил траву косой, потом, когда мне подарили бензокосилку, стал косить этим шумным до рези в ушах агрегатом. Он был очень капризным. В конце концов, я вновь стал косить косой. Газонокосилка, которой я стал косить здесь, оказалось очень удобной, почти бесшумной.

Натали не звонит и не приезжает.

Смотрел «Новости» моего региона. В этом году в России невероятный урожай яблок. И, в связи с этим, я уверен, будет проблема: а куда их девать?

Думаю, что свое одиночество сосед пытается победить (преодолеть) тем, что завел собак. Я наблюдаю, как он утром завтракает с ними в беседке. Они сидят вокруг стола на пластиковых стульях, и он по очереди дает им по кусочку мяса. Собаки взвизгивают, виляют хвостами, крутятся на стульях. Сам старик пьет кофе. Потом они отправляются куда-то все вместе на машине. Гулять? Через час-полтора старик возвращается.

После обеда приехала Натали. Я был непривычно взволнован. Мы поехали в местную картинную галерею. Из всего, что я увидел, мне понравилась живопись мексиканских художников Ороско и Риверы. Она больше гармонирует с Америкой, чем какая-то другая.

Натали была в легком платье. Такая молодая, такая вся упругая! После галереи она предложила заехать в русский ресторан. Я согласился. Русский ресторан оказался с армянским названием – «Арагат». Содержит его армянская пара. Они здесь уже 25 лет. Но говорят по-русски хорошо. Пекут замечательные лепешки! Мы их ели со свининой на косточке. Предложили вина, но Натали вновь повторила свое: «Ноу алкоголь!»

Постоянно думаю, почему мне дали такое задание: смотреть флеш-игры? Перестраивают мое подсознание, готовят к встрече с андроидом?

Сосед, который поселился в доме справа от моего, занимается усиленно ремонтом. Все делает сам. Его жена вчера полдня чистила газон от сорняков (здесь самый главный сорняк газонов – одуванчики, их выкапывают специальной лопаточкой). Я смотрел, с какой аккуратностью она это делала и просто восхищался! А вообще здесь все делается с невероятной аккуратностью. И еще, что мне очень нравится – это непохожесть одного дома на другой. Непохожесть даже в ландшафте перед домом.

Завтра у меня встреча в офисе с руководителем проекта.

В холле, на панно фотографий, мое фото уже другое: я смотрю на картину Ороско в картинной галерее. Когда это и кто успел?!

Разговор с руководителем проекта длился около часа. Мы говорили о заданиях, которые я выполняю (флеш-игры). В конце этого разговора я спросил:

– А вы не раскроете тайну, почему я должен в них так долго играть? И когда я увижу андроида?

– Это своеобразная психологическая подготовка, а точнее – тренинг. С завтрашнего дня у вас начнется второй этап этого тренинга.

Он протянул мне диск.

– Здесь первая часть его. Остальное вам будет привозить Натали. Кстати, как она на ваш взгляд?

– В каком смысле?

Он рассмеялся:

– В интеллектуальном.

Пришла моя пора рассмеяться.

– Если без двусмысленностей, я восхищен ее эрудицией!.. У нее есть бой френд?

– Думаю, что пока нет, – как-то загадочно ответил он.

Мы простились, как два давно и хорошо знакомых приятеля.

Да, кстати! Мне перевели на счет часть моего гонорара! Эта часть – мой заработок в России за последние 5 лет.

Следующий этап моей подготовки оказался не менее странным, чем предыдущий. На диске, который я получил от руководителя проекта, собрано, я думаю, всё о том, как человечество шло к созданию своего подобия в виде андроида. Некоторые утверждают, что началось это с наскальных рисунков человека. Рисуя, мы создаем своего двойника. Волшебство! На поверхности скалы ничего нет. Но вот мы нарисовали на ней человека и этот рисунок начинает жить! Наше воображение наделяет его характером, интеллектом. Мы вступаем с ним в диалог. Поразительно, но этот рисунок заставляет нас влюбиться в этого несуществующего во плоти человека, преклоняться перед ним, бояться его, трепетать в религиозном экстазе! Миф о Пигмалионе, этом скульпторе, который влюбился в свою скульптуру и попросил греческих богов оживить ее. И они ее оживили!

Этот миф просто потрясающий! Живая девушка, которая была моделью для Пигмалиона, оказалась не столь значима, как сама скульптура! Я начинаю вдумываться в этот парадокс и мои мозги готовы взорваться, как они готовы взорваться, когда я думаю о бесконечности вселенной.

Я живо воображаю себе, как Пигмалион в любовном экстазе обнимает свое творение, как отчаяние охватывает его оттого, что скульптура не живая. А что произошло с ним, когда боги оживили ее?! И не стал ли он более несчастным после этого? Потому что неизвестно, как она, став живой плотью, повела себя. А может он, Пигмалион, ей совершенно не понравился. А может его фантазии о ней, когда она была скульптурой, оказались богаче того, что он увидел, когда она стала живой.

Сосед, который живет справа от меня (опять забыл его имя!), пригласил на вечеринку. Завтра у него свадьба, а сегодня он устроил вечеринку для своих друзей и соседей. Показал мне, как он делает ремонт. Недурственно получается!

Вечеринка прошла на открытом воздухе. Прямо перед домом, на лужайке, были поставлены столы и пластиковые стулья. В емкости, типа пластиковой ванны, бутылки с пивом, обложенные кусочками льда. Бутылки с белым и красным вином на столах. Жаркое – куриные лангеты и стейки, зажаренные на барбекю – на огромных металлических подносах. Отдельно – овощи, фрукты, специи. Воткнутые в землю вокруг лужайки горящие факелы очень хорошо гармонировали с тихонько звучащей ирландской музыкой.

Очень хорошо посидели! Сосед, оказывается, приехал в Америку из Ирландии. Умеет играть на волынке. Исполнил на ней несколько ирландских народных мелодий.

Такое странное было чувство! Америка, я, который приехал сюда, согласившись на этот невообразимый эксперимент, незнакомые мне люди, звуки волынки, горящие факелы, дивный тихий вечер...

Виртуально знакомился с бытовыми роботами, которые сейчас используются во многих странах мира. На первом месте – Япония. Они делают даже роботов а la собака, кошка, которые самостоятельно передвигаются за хозяином, лают, если слышат подозрительные звуки, мяукают и т. д. Почему не завести живых? Живые требуют постоянного присмотра. Собак надо ежедневно выгуливать, готовить им пищу, кормить, мыть, в случае заболевания везти к ветеринарному врачу. А здесь – включил, и робот начинает выполнять функцию собаки или кошки, не хочешь – выключил. Эти роботы-домашние животные могут с тобой и поговорить (есть в них такая программа). Собака выполняет еще и функцию пылесоса.

Натали попросила, чтобы я позанимался с ней по режиссуре документального кино и именно на примерах русской документалистики. Смотрели сегодня фильм Владимира Кобрин «Человек будущего». Следил за тем, как она воспринимает этот целиком сделанный на компьютерной графике фильм. А потом начался наш диалог.

– Ты понимаешь, что все это значит?

– Нет.

– Все, что было живым, т. е. органика, постепенно будет вытеснено неживым, искусственным: роботы-рыбы, фабрика по производству людей-роботов, этот металлический лес.

– Это плохо?

– Это и не плохо, и не хорошо. Это его фантазии о том, каким видится ему будущее. Наша планета была, с точки зрения биологии, мертвой, а с точки зрения физики – живой. Потом появились условия для органической жизни. И вот результат, высшее достижение ее развития – человек.

– А разве человек не робот?

Она вышибла меня этим вопросом. Действительно, если посмотреть на нас с точки зрения понятия «робот», мы биологические роботы. А вот наш мозг?

– Саморегулирующийся робот, – ответил я. – Невероятно сложный робот.

Почувствовала ли она, что в это время происходило во мне! С трудом сдержал себя, чтобы не поцеловать ее в чуть приоткрытые губы.

Продолжаю знакомиться с Портлендом. Натали предложила съездить в воскресенье в православную церковь на службу. И снаружи, и внутри здешняя православная церковь отличается от храмов в России. Снаружи по архитектуре она мне напомнила католический костел. Внутри только иконостас, как у нас, но на стенах нет ни фресок, ни икон. В окнах огромные витражи на библейские темы. Храм поделен на две части рядами скамей. Это уж точно атрибут костелов.

Служба шла на греческом языке, после службы – проповедь. Произнес ее священник из Сербии на почти безупречном английском. Он вполне освоил особенность стиля проповедей здесь, в Америке. Во время проповеди (что у нас немыслимо) он время от времени вставлял шутки и все добродушно смеялись. После проповеди все, кто пришел на службу, перешли в кафе при церкви, пили кофе, чай, общались между собой (этот момент мне очень понравился). Чай, кофе, булочки, пирожные, бутерброды можно было брать бесплатно, но это считается, как мне объяснила Натали, плохим (она сказала именно «плохим») тоном. Надо, наоборот, оставить в кассе сумму большую той, которая положена за то, что берешь. Эта разница – своеобразное пожертвование для храма.

Во время службы я думал о том, зачем Господь создал нас? Какую миссию мы должны выполнить? А если Господь Бог – это тот Высший разум какой-либо галактики? Они изобрели и запустили биологических роботов, в которые установили программу. Сейчас мы пытаемся сделать то же самое, только делаем роботов из неорганических материалов, начиная их электроникой. Настанет момент, когда они начнут осознавать себя. Для этого потребуется время. Мы ведь тоже осознали себя не сразу! И что тогда будет?

В программе тренинга, которую мне дали, есть раздел «Куклы для секса». Потрясающие копии известных секс бомб и звезд порно! Посмотрел ролик, как гераклоподобный мужик занимается любовью с одной из таких кукол. Что-то в этом было такое, будто он занимается сексом с трупом. Удивительно, что эти куклы для секса особенно востребованы в Японии, что именно в этой стране производство их поставлено на почти промышленную основу! И даже есть публичные дома, в которых вместо живых проституток эти вот куклы.

Не понял только, для чего в моей программе я должен знакомиться с подобной информацией? Готовят меня психологически к общению с андроидом?

В продолжение темы о секс-куклах. Сегодня утром неожиданный звонок из центра. Звонит Натали.

– К вам сейчас приедет Фред, наш работник. У вас ознакомительный визит (именно так и сказала: «ознакомительный визит») с одним семейством.

Приезжает парень, который встречал меня в Портленде (его, оказывается, зовут Фред). Едем куда-то за город. Одноэтажный, но довольно большой дом, стоящий особняком и огороженный выше человеческого роста живой изгородью из стриженного кустарника. Встретил меня худенький, невысокого роста, но очень импульсивный мужчина лет тридцати пяти. Знакомимся, мужчину зовут Тино. Проходим с ним в дом. Все в доме светло-зеленых и светло-желтых тонов. Большая гостиная, диваны, кресла, огромный эллипсообразный низкий стол со стеклянной крышкой и низкими стульями вокруг него из прозрачного пластика. На стенах фотографии... Боже мой!.. Фотографии секс-кукол!

– Вы впервые в Америке? – спросил Тино.

– Нет, я уже был здесь. Но только не в этом штате.

И тут я замечаю, что в кресле у окна сидит... кукла!

– Это моя подружка, Мальва. Подойдите, познакомьтесь с ней.

Сначала я подумал, что он шутит, но все было на полном серьезе.

– Возьмите ее за руку и назовите свое имя.

Я взял ее руку и представился.

– А я Мальва, малыш, – ответила она голосом девочки-подростка.

Я решил продолжить эту игру:

– Как дела, Мальва?

– Все хорошо.

Я положил ее руку на подлокотник кресла.

Тино нежно погладил куклу по щеке.

– Она может поддержать разговор такого общего характера, но не может двигаться. Идемте, я покажу вам остальных моих подружек.

У двери в спальню он остановился и громко постучал.

– Люси, к тебе можно войти?

– Да, да, милый! – ответил приятного тембра женский голос.

Кукла лежала на широкой кровати, на ней была светло-розовая полупрозрачная очень коротенькая ночная рубашка. Одна нога была полусогнута и словно бы стыдливо прикрывала интимное место.

Тино похлопал куклу по щеке.

– Ты все еще в постели?

– Да, милый.

– А у нас гости, – он показал мне жестом, чтобы я взял куклу за руку.

– О, какое у вас чувственное пожатие, – сказала кукла.

– Люси, Люси, – строго произнес Тино и показал мне, чтобы я опустил руку.

– Ах ты, ревнивец! – рассмеялась кукла.

– Она очень эмоциональна! – Тино взял меня за руку и провел моими пальцами по плечу куклы.

– Иди ко мне, – прошептала она.

– Она очень эмоциональна! – повторил Тино, резко повернулся, мы вышли из спальни и прошли в его рабочий кабинет.

Я был очень удивлен огромному количеству книг в его кабинете. Они даже стопками лежали на полу. Рядом с большим письменным столом сидела еще одна кукла.

– Это моя помощница, Софи.

– Добрый день, мистер Тино, произнесла кукла.

– Добрый день, Софи. Познакомься, у меня гость.

Я взял куклу за руку и назвал свое имя.

– А ваша фамилия?

Я назвал и фамилию.

– Вы автор... – и она перечислила все мои книги и фильмы.

– Не удивляйтесь. У нее здесь, – Тино положил свою руку на голову куклы, – столько всего, сколько даже трудно вообразить.

Мы вышли из кабинета, прошли на террасу и сели в салатного цвета кожаные кресла.

– Что? – опережая мой вопрос, произнес Тино. – Почему куклы, а не живые люди?

Я кивнул головой.

– Я – ученый, и, как ни странно, мне лучше работается, когда рядом со мной в моем доме куклы. С одной я завтракаю, обедаю и ужинаю, с другой я сплю, с третьей работаю. Каждая из них для меня идеальна на своем месте.

Тино усмехнулся, вероятно, вспомнив какой-то смешной эпизод из своей совместной жизни с куклами.

– Кроме того, кукла не меняет своей сути, чего не скажешь о человеке, который, приобретая жизненный опыт, грубеет. Уходит чистота, детская непосредственность. Согласитесь, редко, кто с возрастом сохраняет свою данность. Ангелы перерождаются в фурий.

Он неожиданно замолчал. Молчание затянулось, я хотел как-то разрядить это затянувшееся молчание, но Тино поднял руку, еще какое-то время помолчал, а потом продолжил:

– Вы знаете, к чему я больше всего склоняюсь в последнее время? Я думаю, в будущем мужчина и женщина будут жить отдельно. Это миры, которые слишком отличны друг от друга. У женщин свои идеальные партнеры, у мужчин свои партнерши, которые их не раздражают. Ну и так далее.

Он посмотрел на часы.

– Извините, мне надо идти работать. Если хотите более подробно познакомиться с моими взглядами по этой теме, вот вам моя последняя книга.

– Один вопрос, а как же тогда будет размножаться человечество?

– Мужчины-доноры будут сдавать свою сперму, как сейчас сдают свою кровь доноры. Лучшие образцы будут оплодотворять лучшие образцы женских яйцеклеток.

– А как же родительская любовь, теплота?

– Я посчитал, через два века интенсивность занятости человека будет таковой, что у него не будет времени на воспитание, то есть на семью. Этим будут заниматься учреждения.

– Фабрики по выращиванию и воспитанию.

– Да, если хотите.

Он с необыкновенной легкостью поднялся с кресла.

– А разве школы, училища, институты – это не фабрики? Извините, мне пора.

Вот такой у меня сегодня был ознакомительный визит.

Читаю книгу этого ученого-футуролога. Название книги «Человек и кукла». Фрагмент ее из первой главы «Мужчина и кукла»:

«Мужчине кукла нужна больше, чем женщине. Так сложилось, что для мужчины понятие «дом», «семья» не имеют такого важного значения, как для женщины. Женщина рожала детей, ей нужен дом, чтобы они выросли, чтобы их укрыть от зверей, непогоды. Мужчина уходил добывать пищу, занимался торговлей, воевал, путешествовал. По своей природе он – странник. Его с домом мало что связывало.

Мужчина более функционален, прагматичен. Отсюда его стиль общения с женщиной: она должна содержать дом, заботиться о детях, удовлетворять его, мужчины, естественные потребности в сексе.

Мужчина более склонен к полигамному образу жизни, чем женщина. Но этому всячески препятствует среда, мораль. И мужчине приходится тайно восполнять эту потребность. Публичные дома, любовницы, кратковременные связи. Все это в последнее время начинает вытеснять кукла. Он, мужчина, и кукла. Причем, кукла может быть не одна, а две: кукла в женском облике и кукла в облике мужском. Кукла-женщина для мужчины выполняет роль любовницы, а кукла-мужчина – роль любовника.

Появляется новый тип семьи: мужчина-женщина-кукла (куклы); женщина – мужчина-кукла (куклы)...

Надо подумать над его утверждением, что кукла для мужчины нужна больше, чем для женщины.

Натали показала свою новую серию фотографий. В основном это пейзажи. Я ей сказал, что в этом направлении открыть что-то новое чрезвычайно сложно. Художников-пейзажистов обойти почти невозможно. Художник выбирает для своего пейзажа, из того, что видит, только то, что ему необходимо, а фотограф этого лишен.

Мне показалось, что Натали обиделась.

– Что же тогда, не снимать пейзажи?

– Я думаю, надо найти возможность соединить живопись с фотографией. Чтобы мы и в фотографии могли выбирать только то, что нам надо, а остальное выкидывать.

– Это будет компьютерная фотография.

– А почему бы и нет? Главное – образ, а каким способом его выразить не имеет значения.

– Хотите съездить на океан? – неожиданно сменив тему нашего разговора, спросила Натали.

– Хочу. Тем более, я никогда в реальности не видел океана.

– В субботу.

Она уехала, а я еще долго пересматривал ее фотографии. И вдруг! И вдруг! Как же это я разу не понял?! Или это я себе придумываю? Но мне кажется, что эти фотографии – ее признание в своей, ну, пусть не любви, но симпатии ко мне. А я, толстокожий бегемот, рассуждал о том, что в пейзажах уже не откроешь ничего нового!

Мы выехали в 7 часов утра. Я надел легкие летние брюки и рубашку с длинными рукавами, но Натали сказала, что на океане будет жарко в такой одежде. Я переоделся: надел шорты и майку с короткими рукавами. Как потом оказалось, этого не надо было делать!

Дорога, которая в основном пролегла по гористой местности, была очень живописной. Натали, словно начинающий водитель, безукоризненно подчинялась требованиям всех дорожных знаков в совершенно безлюдных местах. В России ее точно посчитали бы ненормальной!

Я по ходу фотографировал. Очевидно, чтобы сделать мне приятное, Натали включила радиостанцию, которая крутила русскую музыку, а я рассказывал ей о тех исполнителях, с которыми сталкивался, когда работал режиссером в филармонии.

Натали была в кофточке на тоненьких ляпочках и в короткой юбочке. Я просто пьянел, глядя на ее чуть подрагивавшие груди и оголенные ноги.

Небольшой городок вдоль побережья океана. Оставляем машину, забираем с собой сумку с провизией и напитками, одеяло, огромный зонт и два раскладных пляжных кресла.

Не верилось, что я на берегу Великого Тихого океана. Его шум отличается от шума моря. Это гул какого-то огромного пространства. Гул, сопоставимый по ощущениям, когда смотришь ночью на открывшееся перед тобой космическое пространство. Это галактический шум.

Ветер дул с океана, вздымая огромные волны. Напротив нас, метрах в трехстах от берега, торчащий, будто черный зуб какого-то чудища, необитаемый остров с шумной колонией морских птиц. Временами с океана на берег накатывал густой туман, очертания острова и берега становились размытыми, почти трудно угадываемые. Ветер разрывал эту пелену тумана, светило более ярко солнце, открывался горизонт, вид вдоль берега в обе стороны и резко очерчивались контуры острова.

Мы расстелили одеяло, я закопал в песок ножку зонта, раскрыл его. Натали села под зонт в кресло.

- Ты не хочешь искупаться? – спросил я.
- Нет. Ветер дует с океана и вода холодная.
- А просто подойти к воде?
- Нет, нет.

Я взял фотоаппарат и пошел вдоль берега. Сделал несколько снимков сияющих каким-то целлофановым блеском волн, серию медленно проявляющегося из тумана острова, снимок с видом вдоль побережья с одиноко торчащей на длинных столбах будкой для наблюдения за купающимися. Но никто не купался. Вода, действительно была холодной. Чьи-то дети, в накинутах на плечи длинных шерстяных пледах, подбегали к воде и с визгом мчались от накатывающейся на берег волны. Одной из них вышвырнуло краба. Он лежал на панцире и беспомощно шевелил своими клешнями. Дети, не подходя близко, боязливо рассматривали, как им, наверное, казалось, морское чудище. Сверху спикировала и села рядом с крабом чайка. Набежавшая волна помогла крабу перевернуться, но чайка своим загнутым крючком клювом вновь перевернула его и, не обращая ни на кого внимания, стала долбить им в самый центр брюшка. Краб пытался ухватить ее за клюв клешнями, но чайка проворно отдергивала его и вновь наносила смертельные удары. Удар, удар, удар... Ноги краба беспомощно повисли, последние конвульсии пробежали по ним. Дети сначала, словно зачарованные, смотрели на этот поединок, а потом бросились на чайку, отогнали ее. Один из них палочкой перевернул краба и стал подталкивать к воде: «Иди! Иди!» Но краб был уже мертв.

Так вот, возвращаясь к шортам и майке, которые я надел вместо брюк и рубашки с рукавом. За три часа, что мы пробыли на берегу океана, я сжег по локоть руки и по колено ноги. Это стало явственно чувствоваться, когда мы остановились в экзотическом ресторане, построенном из гигантских по диаметру, не могу сказать, что за порода, деревьев. Строил его один (!) человек в течение 20 лет!

Натали заказала мне бутылку красного французского вина, какой-то экстравагантный салат из морепродуктов, стейк из говядины, а на десерт мороженое с фруктами. Я попросил еще заказать сметану. Объяснять не стал, для чего. Украдкой от Натали я растирал ею мои пылающие ноги и руки.

Мы вернулись в 12 ночи. Натали тут же уехала, а я всю ночь жарился, как черт на сковороде.

Полусон. Обрывки фраз, какие-то сцены из прошлого, фантазии. Одно перескакивало на другое. Хотелось затормозить этот стремительный поток. Сделать стоп-кадр... Стоп-кадр... Стоп-кадр... Я старался удержать его как можно дольше... Стоп-кадр в подобных ситуациях бессонницы был как снотворное... Но стоп-кадр оживал и снова в голове крутилась эта клиповая фантазмагория...

Я заснул только к утру и проспал до обеда.

В «Новостях» сюжет об изобретениях в Германии. Они сделали искусственную чайку, которая может летать, ориентируясь в пространстве, и искусственного дельфина. А еще и искусственную медузу. Вспомнился Владимир Кобрин, его «Человек будущего». Есть там фрагмент, когда две металлические рыбы пожирают друг друга. И как, любопытно, та, которая проглотила свою жертву, ее переваривает? Переплавляет? Разлагает? Или разбирает на запчасти?

Продолжаю читать книгу Тино «Человек и кукла».

«Кукла удобна еще и вот по какой причине: ее легко заменить на другую. И в этом не будет никаких проблем ни для мужчины, ни для общества. Уйдет такое понятие, как обязательство перед семьей. Мужчина (впрочем, так же, как и женщина) может выбирать для куклы любой внешний облик, любое лицо».

Черт возьми с этими шортами! Мои ноги горели таким огнем, что было не до Натали! Она уехала, а, возможно, думала остаться.

Только сегодня, внимательно присмотревшись к фотографии женщины-кентавра я уловил нечто очень похожее на Натали. А, впрочем, это мои глюки воображения.

Мне предложили творческую встречу с интеллигенцией Портленда с показами двух моих фильмов. Пишу небольшие предисловия к этим фильмам, потом надо будет их запомнить. Здесь не любят, когда выступающий читает свое выступление по бумажке.

Во время моей сегодняшней встречи с руководителем проекта я спросил:

– Когда же начнется эксперимент?

– Эксперимент уже давно идет, – ответил он мне.

Думаю сейчас над его ответом. Если он давно идет, где же тогда мой соучастник проекта – андроид?

Позвонила Натали. Предложила посмотреть вечером в кинотеатре какой-то новый блокбастер.

Печальная весть из России: внезапно и весьма при загадочных обстоятельствах умерла моя однокурсница по театральному институту.

Смотрели в кинотеатре блокбастер про змей, которых перевозили на пассажирском самолете. Во время полета они вылезли из ящиков, проникли в салон и началось змеиное шоу. Кобры жалили только женщин и они умирали в страшных агониях, анаконды обвивали сдавливающими кольцами насмерть перепуганных мужчин и выпускали им кишки наружу. Все это было снято абсолютно без чувства меры и вызывало у зрителей взрывы хохота. Натали смотрела фильм со вниманием, и, кажется, не понимала, почему все смеются.

После фильма Натали отвезла меня домой. Я приоткрыл дверцу, приготовился сказать Натали «Доброй ночи», но произнес совершенно другое:

– Не хотите кофе?

– Нет.

Я взял ее руку и поцеловал.

– Спасибо за вечер. Давно так не смеялся.

Я почувствовал какую-то еще неведомую мне легкую вибрацию, которая исходила от ее руки. Я осмелел. Придвинулся к Натали ближе, отстегнул ее ремень безопасности, наклонился к лицу и поцеловал в губы. Эту странную легкую вибрацию я почувствовал и на ее губах.

– Пошли в дом.

– Да, да... – сказала она тихо.

Все, что произошло между нами, описанию не поддается.

Подозреваю, что обо всем происшедшем, Натали рассказала руководителю проекта. Я не до конца уверен в этом, но он как-то чересчур внимательно иногда посматривал на меня во время нашей сегодняшней встречи. А основная тема ее была – бессмертие.

– Если посмотреть на человека с точки зрения «человек – это биологический робот», то его бессмертие невозможно, потому что материал, из которого он сделан, быстро изнашивается.

– Вы хотите сказать, что, постепенно заменяя этот материал...

– Да. Заменяя его постепенно на более прочный материал, мы и сможем сделать человека бессмертным! Ну, не абсолютно бессмертным, но на тысячу лет как минимум.

– А зачем делать человека бессмертным? Может быть, в этом и есть его эволюция, что он смертен? Каждое новое поколение, приспособляясь к изменяющейся среде, дает возможность человечеству не исчезнуть, как динозаврам, которые не смогли приспособиться к изменениям, поэтому и вымерли...

Вечером сидел над выступлением в Доме пожарника, так называется это учреждение, где состоится моя творческая встреча. Кстати, это второй или третий случай в моей жизни, когда я заранее готовлю выступление.

С чего начать? Ну, естественно, поприветствовать пришедших, представиться. Учитывая психологическую особенность американцев, надо рассказать что-то юморное. Возможно, с того анекдота-вопроса, который в последней поездке по Англии пользовался невероятным успехом:

«Как называется человек, у которого не работает левое полушарие головы, левая рука и левая нога? Ответ: этот человек называется «all right».

Думаю, юмор оценят. Надо будет потом поиграть на этом «all right». Ну, как-то так:

«All right», – отвечаем мы, когда нас спрашивают, как идут дела. «All right», – отвечаем мы, когда спрашивают у нас, как твоё здоровье, как твоё семья, как твоё работа. «All right!»

Для людей, которые не знают подробностей твоей жизни, твоего здоровья, семьи, детей, мы – «all right». Однако те, кто тебя знает хорошо, в этом «all right» есть многое такое, что с этим словом не связано. Они знают, что у тебя очень тяжелая работа, что у тебя проблемы со здоровьем, что у тебя плохие отношения с детьми. Кто-то из них тебя осуждает, кто-то пытается помочь, кто-то сочувствует. Это жизнь. Она не сводится к одному «all right».

После этого надо вернуться к интриге, почему я начал с этого анекдота и сказать, что-то наподобие:

«Мне иногда кажется, что когда политики принимают какие-то очень важные для страны решения, они руководствуются только одним полушарием головы – правым, левое полушарие у них в это время не работает. А, как известно, наше левое полушарие отвечает за наши эмоции, чувства. Без них человек становится биологическим терминатором».

Пора переходить к фильму. Сказать, что о чеченской войне много сказано, написано, снято, но странная вещь, эта война никого ничему не научила в мировом сообществе. (Библия: нет памяти о прежнем).

В заключение надо сказать о фестивалях, на которых фильм побывал и его принципиальная особенность: он создан на материале видеозаписей, которые делались в Чечне оператором одного из отряда милиции особого назначения.

Нет, это еще не заключение. Обязательно надо сказать о том, что, когда нам в новостях рассказывают о военных действиях в какой-либо стране нашего земного шара, мы воспринимаем их достаточно абстрактно. Да, разрушено столько-то домов, мостов, заводов. Да, погибло столько-то мирного населения, военных. Во всех этих сюжетах о войне не показывается главное – судьбы людей, которые вольно или невольно оказались в той или иной войне.

Обязательно об очень давнем сюжете, который я видел, кажется, по Би-би-си, как в одном небольшом городке Соединенных Штатов родители встречают гроб с сыном, погибшем во Вьетнаме.

В сюжете были показаны фотографии погибшего, когда он был еще маленьким, показана комната, в которой он жил до призыва в армию, показаны его любимые вещи. Это был самый антивоенный сюжет из всех, которые я видел по Би-би-си.

Сказать, что я понял в связи с этим одну важную для себя вещь: о войне надо рассказать не столько через взрывы, стрельбу, а через человека, который вынужден воевать. Сделать акцент, что я поклонник (приверженец) идеи Льва Толстого: всякая война – это насильственное убийство. Продолжить мысль, что если всякий человек – это вселенная, то война – это уничтожение, с космической точки зрения, целых галактик.

Парадокс войны: люди убивают друг друга, но никто за это не отвечает!

И вот на этом надо закончить. Дальше эта мысль будет подхвачена текстом в начале фильма:

«Гибель каждого человека на войне – это насильственное прекращение жизни. Смерть каждого, кто стал жертвой войны – это, частично, и гибель всех нас. Ибо все в нашем мире едино. $1+1=1$ ».

Удивительное постоянство того, что в одно и то же время, по одной и той же схеме действий мой сосед слева стрижет газон перед своим домом. Собаки, которые в это время остаются за домом в своеобразном загоне, ревниво повизгивают. Сегодня, закончив стрижку газона, сосед помахал мне рукой. Я подошел. Мы немного поболтали. И вдруг он разоткровенничался, что для американцев, при всей их контактности, большая редкость.

– У меня в следующее воскресенье будет женщина. Нет, нет, не то, что ты подумал. Со мной дала согласие жить одна женщина из дома для престарелых. Мы с ней познакомились на одной собачьей выставке. Она, хоть и не держит собак, но когда-то они у нее были. Я думаю, нам будет жить не так одиноко вдвоем. Я хочу пригласить тебя к нам. Она говорит по-русски. Ей будет приятно поговорить с тобой на ее родном языке. Тебе это будет не трудно?

– Я приду, – сказал я.

– Спасибо.

– Как ее зовут?

– Нина.

Внезапно, без предупредительного звонка приехала Натали. Как только она поднялась в гостиную, мы бросились друг к другу. О, это блаженное время близости! Ее молодое упругое тело хотелось прижать к себе с такой силой, чтобы оно стало с твоим единым целым!

Она уехала ранним утром. Я почти мгновенно уснул и проспал почти весь день. Еще час, после того, как проснулся, лежал и вспоминал все до мельчайших подробностей. Только

к девяти вечера заставил себя сесть и продумать вторую часть выступления в Доме пожарника перед вторым фильмом. И тут же, без исправлений, записал следующее:

«Нашу встречу с вами мне бы хотелось продолжить словами Уильяма Шекспира, что весь мир – театр, а мы в нем актеры. И каждый из нас гениально играет в этом мировом театре свою роль.

Мир – театр. Театр – мир.

Кто-то сказал, что театр – это точное отражение того государства, того города, где он находится. Все, что в них происходит, тут же отражается в театре. Театр – это наше зеркало. Глядя в него, мы видим себя со всеми своими достоинствами и недостатками. Мы смеемся над собой, плачем, негодуем, осуждаем, восхищаемся, задумываемся.

В век электронных технологий нашим театром стал и экран телевизора. Он тоже отражает нашу жизнь, он тоже наше зеркало. Каждый день мы смотримся в это зеркало. Каждый день мы узнаем о себе что-то новое».

И на этом все затормозилось.

Что-то промелькнуло в голове из записных книжек Чехова (надо проверить, так ли это?):

«Если вы хотите узнать все о городе, в котором оказались, сходите на кладбище и в публичный дом. И вы узнаете об этом городе все».

А если перефразировать слова Чехова относительно документального кино, то можно сказать так: чтобы узнать страну, в которой ты оказался, смотри документальные фильмы этой страны. В них, как в капле воды, будут отражены все проблемы этой страны и людей.

Почему-то вспомнился из юности аттракцион: комната с кривыми зеркалами, которая называлась «Комната смеха».

«Конечно, на какое-то время документальное кино можно сделать фальшивым. Можно ведь так искривить зеркало, что оно даже уродливое лицо превратит в красивое, а красивое в уродливое. Но такому зеркалу люди перестанут верить, а потом и просто разобьют его. Разобьют, потому что нет ничего более прогрессивного, более гуманного, более жизненного, чем правда».

К сожалению, эту простую истину о правде не так-то просто реализовывать. Требуется невероятное мужество и сила воли!

Теперь о самом фильме. Сказать приблизительно так:

«А теперь мне бы хотелось показать вам один из своих документальных фильмов, который позднее был включен в трилогию «Трагедии России». Первая трагедия, которую пережила Россия – это сталинский режим. Огромная, некогда процветающая страна, была после переворота 1917 года превращена, как определил ее Солженицын, в архипелаг ГУЛАГ. То есть в огромный лагерь. Страх был самой надежной силой, которая удерживала эту тоталитарную систему.

Я не ошибусь, если скажу, что почти каждая семья в России пострадала от сталинского режима. Не обошла эта трагедия и моих родных. Это был 1949 год. Моего деда арестовали за фразу: «Четыре года как кончилась война, а мы не можем до сих пор вдоволь наесться хлеба». Он пропал в лагерях бесследно».

Все, после этого надо показывать фильм.

А ведь все эти силиконовые куклы и андроиды – не что иное, как наше скрытое желание иметь рабынь (рабов). Только тогда, когда была работорговля, они были homo, а теперь искусственно созданные homo. Раб тогда был живой вещью. Теперь эта живая вещь – робот.

Презентация моих двух фильмов прошла при небольшом количестве интересующихся русской действительностью. Мне сказали, что такое для начала здесь, в Америке, естественно. В перерыве между двумя фильмами у меня произошла небольшая полемика с одним эмигран-

том еще той, первой волны 70-х. Он сказал, что в России до сих пор еще очень мало демократии.

– А вы думаете, – сказал я ему, – после стольких лет тоталитаризма демократия тут же займет лидирующие позиции? Да мы еще полвека будем с оглядкой выражать свое мнение. А на бытовом уровне мысль, что правдой ничего не добьешься, будет сидеть в нас еще дольше.

После показа выпил со всеми шампанского. Директор Дома пожарника, женщина лет тридцати с огненной шевелюрой и ярко накрашенными чувственными губами, попросила меня сфотографироваться с ней на память. Как-то очень плотно прижалась она ко мне во время фотографирования. Натали отвезла меня домой, но не осталась. Дразнит она меня!

Сейчас почему-то вспомнил о загадочной смерти своей однокурсницы. Она очень долго выбирала, в какую страну отправиться в отпуск. Выбрала Грецию. Они с мужем приехали в отель поздно ночью. Номер и вид из него ей вначале не понравились, но утром мнение переменялось. Перед завтраком они пошли искупаться. Вода в море показалась ей холодной, она осталась на пляже, а муж решил сделать заплыв. Плавал он долго, за это время она сходила в отель и вернулась. Неожиданно ей стало плохо. Те, кто был рядом, вызвали скорую. Бригада приехала очень быстро и констатировала... смерть. Именно в этот момент подошел и муж. Пол часа назад он оставил ее живой на этом шезлонге! Всего пол часа назад!

Последние годы жизни она была очень религиозной. Ходила каждое воскресенье в церковь, соблюдала все посты, исповедовалась. Когда муж вернулся в номер, он увидел, что на подоконнике, на столе, в ванной комнате, – везде были расставлены маленькие иконки. Утром, когда они уходили на пляж, иконок не было. Она их расставила, когда отлучалась с пляжа в отель.

Ей было 35 лет. Медицинская экспертиза, проведенная и в Греции, и в Москве, причину внезапной смерти не выявила.

Она писала стихи. В них, как в музыке Моцарта, радость соседствовала с грустью, мажор с минором.

Она была легким человеком. Летящим. Не могу представить ее лежащей в гробу.

Натали иногда ведет себя так, будто между нами нет близости. Что это, особенности деловых женщин? Близость как необходимый физиологический ритуал. Или как говорят в Америке: «Просто секс». Единственное, что смущает меня в этом прагматизме, Натали моментально откликается на мои желания, и в постели я не заметил ни одного мгновения, что она делает что-то формально. И еще одна ее странность – она никогда не остается ночевать. Но эта странность мне приятна. Проснувшись утром, я трогаю рукой подушку, на которой лежала ее голова, глажу простынь, на которой лежало ее роскошное тело.

Один из моих давних приятелей всегда говорил, что никогда не сможет жить с женщиной, которую полюбит, как муж с женой. То есть не будет находиться с ней постоянно в одном месте. «Жена должна оставаться всегда в положении любовницы, – говорил он. – Восточный принцип: женщины живут на своей половине дома, мужчины – на своей».

Ближе к вечеру Джон пригласил меня в гости, чтобы познакомить с женщиной, которая поселилась в его доме. Внутреннее убранство гостиной, где мы ужинали, было чрезвычайно аскетичным. Нина, худенькая черноглазая женщина невысокого роста, говорила со мной по-русски. Джон, что меня очень удивило, тоже хорошо говорил по-русски, хотя мы общались с ним всегда только на английском.

Стол был накрыт с тем изобилием разных блюд, которое свойственно только нам, русским, когда мы принимаем у себя гостей. Здесь был и столичный салат, и селедка под «шубой»,

и соленые огурчики, и черная икра, и мясная нарезка, и сыр, и домашние пирожки, и тушеное мясо с картошкой. Естественно – русская водка и клюквенный морс.

Водку пили только мы с Ниной, Джон отказался, сославшись на то, что вообще не употребляет спиртного ни в каком виде.

Через два часа мы уже пели с Ниной русские народные песни и Джон, чем еще больше удивил меня, пел эти песни с нами, с потрясающей точностью выстраивая партию, где второго, а где третьего голоса. Когда он ушел кормить собак, я стал расспрашивать Нину о ее жизни.

– Вы давно в Америке?

– Двадцать лет.

– А откуда приехали?

– С Урала, город Екатеринбург.

– Я там был несколько раз.

– Да?! Он, наверное, очень изменился.

– Не знаю. Я не могу сравнивать. Но город мне понравился. А почему вы уехали оттуда?

– Погиб мой муж, дети... Здесь, в Америке, жила моя сестра. Она забрала меня. У меня была депрессия после смерти мужа и детей. Я стала пить. Продала почти все, что было в квартире. Сестра, когда увидела меня... С ней чуть было не случился сердечный приступ... Я ей очень за все благодарна... Она умерла год назад... И у меня не осталось никого из родственников. На мне наш род закончится.

Нина прислушалась, как во дворе повизгивали собаки.

– Джон очень похож на моего отца. Мой отец был страстным охотником. У нас было три собаки: лайка, овчарка и беспородная дворняжка. Дворняжку звали Каська... Мы их с сестрой кормили, лечили. Каська всегда спала с нами. Но если в нашу комнату заходил отец, она тут же улепетывала. Отец, хоть и любил собак, но был с ними строг!

– А у меня в детстве, когда мы жили в деревне, была овчарка. Мы ее звали Волга.

– Я до восьми лет тоже жила в деревне, а потом мы переехали в город. Собак забрали с собой. Отец построил для них рядом с трехэтажкой, в которой мы поселились, сарай. Когда отец уходил на работу, мы собак из сарая выпускали. Все дети, которые жили в нашем доме, играли с ними, приносили им еду. Но кому-то это не нравилось. Однажды ночью сарай подожгли. Бедные животные, они сгорели в этом сарае заживо. Я до сих пор не могу понять: за что, за что их так жестоко убили?!

Нина рассказала и о том, как сложилась ее жизнь в Америке, о втором муже, с которым прожила здесь десять лет. О том, как после смерти второго мужа, чуть было не покончила жизнь самоубийством.

Я слушал ее рассказ и думал: за что, за что этой худенькой женщине выдалась такая жизнь? Она, как ивовый прут. Ветер гнет его, того и гляди сломает, но прут сопротивляется, и продолжает расти.

Сегодня была экскурсия на предприятие (завод?), где делают андроидов. Я так понимаю, что меня готовят к тому, что скоро эксперимент вступит в самую, что ни на есть, основную фазу.

Больше всего меня впечатлили силиконовые заготовки туловищ, которые висели, как висят на мясокомбинате разделанные туши коров. Но там туши постепенно разрезают на части, а здесь эти силиконовые заготовки начинают сложнейшей электроникой и – о, чудо! – происходит рождение искусственного человека. Я пообщался с одним только что собранным и был несколько разочарован.

– У них еще мало практики общения с человеком, поэтому они такие «электронные», – уловив мое разочарование, пояснил мне руководитель проекта.

– У вас, я смотрю, все поставлено на промышленную основу.

– Да, мы много выполняем заказов, Некоторые просят сделать анроида в облике умершего мужа или жены, или какой-то знаменитости.

– Но ведь это, вероятно, очень дорого!

– Это для очень богатых людей. Пока. Повторюсь: через пять-десять лет андройды будут такой же реальностью, как компьютеры.

Я хотел спросить об андроиде, с которым мне предстоит эксперимент, но решил не забежать впереди паровоза.

Страшная новость: Натали погибла в автомобильной катастрофе. Мне об этом сообщили только по прошествии трех дней. Я бросился к руководителю проекта, чтобы узнать подробности. Ни слова не говоря, он жестом пригласил следовать за ним. Мы вышли из офиса, сели в машину и поехали.

Кладбище. Столбик из серого мрамора с именем и фамилией Натали, датами ее рождения и смерти. Ей было 20 лет!

– Как это случилось?

– Она утром ехала на работу, при выезде на мост лобовое столкновение с машиной, которой управлял психически больной человек. Они погибли оба.

– Почему вы не сообщили мне раньше, я приехал бы на похороны.

– Без комментариев, – ответил руководитель проекта и уехал на другой машине, которая сопровождала нас.

Я сидел на заднем сиденье и почему-то вспоминал со всеми мельчайшими подробностями иллюстрации к рассказу Льва Толстого «Лев и собачка» в детской книжке, которая неизвестно как попала в наш дом. Этот рассказ о льве, в клетку к которому на растерзание, как живой корм, бросили маленькую собачку. Но лев, к удивлению всех, принял ее, как свое дитя. Через какое-то время собачка умерла, и лев никого не подпускал к этому маленькому бездыханному тельцу...

Утром каждого дня я езжу на кладбище и сижу рядом с могилой Натали, вспоминая чудесные мгновения истории нашей любви. Параллельно с этими воспоминаниями меня не отпускает история загадочной смерти моей однокурсницы. Сегодня, буквально за два часа, набросал скелет рассказа с еще не определившимся названием.

«Она сказала мужу, что хочет поехать за границу. Но куда именно – еще не решила. Очень долго выбирала и выбрала Грецию, там в это время года было не очень жарко. Ей представилось синее небо, спокойная гладь моря, золотистый песок на берегу и желтые скалы, источенные ветрами и покрытые кое-где, словно заплатами, густым зеленым кустарником.

Удивительно легко перенесла она перелет. В отель они с мужем прибыли поздно вечером. Небо было черно-синим, ярко светили звезды, с моря дул ветерок и слышался легкий плеск волн.

Номер, однако, ей не очень понравился. И вид из окна тоже. Она решила, что на следующий день попросит мужа, чтобы он договорился переселиться в другие апартаменты. Но утром то, что ей вчера не понравилось, сегодня было по душе: и номер, и вид из окна.

Когда она открывала чемодан, неожиданно почувствовала такую слабость в руках, что даже не могла поднять их. Сердце забило с невероятной скоростью, пот выступил на лбу.

– Господи... – прошептала она. – Что со мной?..

Она медленно сжала пальцы в кулаки, и получилось с такой силой, что, когда их разжала, на ладонях еще долго не проходили следы от ногтей. Слабость прошла, сердце забило ровно.

До завтрака оставалось около часа. Она решила искупаться, разбудила мужа. Они взяли с собой пляжные полотенца и отправились к морю.

Берег был полупустынный. Они бросили на лежанки полотенца, верхнюю одежду и пошли купаться. Муж с разбегу нырнул в воду, с шумом вынырнул и медленно поплыл от берега. Но ей вода показалась холодной. Она вернулась к своей лежанке, расстелила на ней пляжное полотенце и легла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.